

У Е Тао не было свободных рук, чтобы взять Баобао на руки, и малыш послушно следовал за ним, держась у его ног. Трое поднялись наверх без единого слова. Чжоу Цзыцянь занёс посуду на кухню и спросил:

— Куда поставить?

Е Тао указал на столешницу, и, как только посуда была поставлена, он развернул упаковку, взял несколько тарелок и начал мыть их в раковине.

Дорогая изысканная посуда, стоимостью в десятки тысяч юаней, впервые использовалась для простых блюд из уличной закусочной: жареных почек, салата из брокколи и мясных шариков. Е Тао, смывая пену с тарелок, внутренне усмехался: ради того, чтобы угодить чистоплотному молодому господину Чжоу, пришлось пожертвовать этими прекрасными, почти художественными изделиями.

Чжоу Цзыцянь стоял рядом, прищулив свои лисьи глаза. С его ракурса было видно, как уголок губ Е Тао слегка приподнялся. Эта едва заметная дуга могла быть разглядеть только при тщательном наблюдении. Чжоу Цзыцянь заметил её и задумался. Он не понимал, почему Е Тао улыбается. Неужели он радуется «глубоким чувствам» и «ностальгии» Ли Минцзюэ? Но Е Тао не был настолько мелочным.

Взгляд Чжоу Цзыцяня, полный любопытства и подозрительности, стал слишком явным. Е Тао, даже не глядя на него, почувствовал это. Продолжая мыть посуду, он спокойно сказал:

— Если есть что сказать, говори прямо.

— Мне просто интересно, что ты думаешь о той сцене, которую мы только что наблюдали.

— Просто интересно? Тогда потерпи. Я устал и не хочу тратить слова.

Чжоу Цзыцянь усмехнулся и поправился:

— Мне очень интересно, и, честно говоря, это меня немного раздражает.

Е Тао решил, что это искреннее признание, и ответил прямо. Увидеть бывшего у себя под домом, когда тот был пьян и вёл себя неадекватно, конечно, оставило некоторое впечатление. Но прошлое осталось в прошлом. Люди и события, хорошие и плохие, радости и печали — всё это Е Тао больше не волновало. Если и было какое-то чувство, то только удивление и раздражение.

Ли Минцзюэ не был человеком, способным на верность. Вскоре после «смерти» Е Тао он нашёл нового возлюбленного, и за последние два года сменил множество любовников, как мужчин, так и женщин, разного уровня. Ло Дун слышал об этом, но не хотел расстраивать Е Тао, поэтому не говорил ему. Лишь несколько месяцев назад, когда они случайно встретили Ли Минцзюэ в ресторане, и тот снова обратил внимание на Е Тао, Ло Дун с раздражением и гневом пробормотал пару раз. Ирония заключалась в том, что Ли Минцзюэ влюбился в нынешнего Е Тао, потому что тот напомнил ему прежнего. Конечно, сходство было не во внешности, а в той отстранённости, которая сквозила в его взгляде. Такое безразличие ко всему и ко всем, но не холодное и не высокомерное, привлекло Ли Минцзюэ и напомнило ему о покойном возлюбленном.

Е Тао раскладывал еду по вымытым тарелкам, и, когда Чжоу Цзыцянь протянул руку, чтобы взять их, он спокойно, но с ноткой горечи, произнёс:

— Подлец.

Чжоу Цзыцянь уставился на него, ещё больше удивлённый, чем при виде пьяного Ли Минцзюэ:

— Что ты сказал?

Когда-то я искренне относился к тебе, а ты выбросил меня, как ненужную вещь. Теперь я не испытываю ни ненависти, ни сожаления, а ты с лицемерием говоришь, что всё помнишь. Разве это не подлость?

Е Тао не ругался. Он просто констатировал факт, и это даже нельзя было назвать оскорблением.

Искреннее удивление на лице Чжоу Цзыцяня заставило Е Тао чуть улыбнуться. Он покачал головой и ответил:

— Это не к тебе.

Чжоу Цзыцянь промолчал, взял тарелки с едой и вышел из кухни. Е Тао убрал ненужную посуду и направился в гостиную, где на столе уже стояла еда и открытая бутылка вина. Чжоу Цзыцянь так и не нашёл графин, и дорогое вино налили в обычные стаканы. Эта бутылка стала жертвой ради компании с дорогой посудой.

— Баобао, иди есть.

Е Тао сначала приготовил место для Баобао, а затем сел сам.

Баобао, которому только что устроили взбучку, был далёк от своей обычной активности. Он осторожно подошёл к столу, украдкой взглянул на Чжоу Цзыцяня и, убедившись, что тот не смотрит в его сторону, осторожно запрыгнул на стул. Но едва он устроился, как его дядя взглянул на него. Лицо Чжоу Цзыцяня было бесстрастным и холодным. Баобао испугался, даже не осмелившись встретиться с ним взглядом, и сразу спрыгнул вниз, боясь, что даже взгляд будет воспринят как вызов.

— Баобао, иди есть.

Е Тао снова позвал его, но котёнок под столом грустно покачал головой:

«Я не буду есть. Лучше не буду лишать его покоя и искать повод для неприятностей, я пропущу один приём пищи, и нам обоим будет спокойнее».

Видя, что малыш действительно напуган, Е Тао не стал настаивать. Он встал, взял маленькую миску Баобао, положил туда немного риса и добавил несколько кусочков еды, затем поставил её под стол.

Ужин прошёл в полной тишине. Е Тао ел молча, а Чжоу Цзыцянь наливал себе вино. Дорогое вино, которое Е Тао когда-то бережно хранил, в руках Чжоу Цзыцяня превратилось в кислотерпкий виноградный сок, который он пил без удовольствия.

Е Тао поел первым. Он немного посидел с Баобао, смотря телевизор, затем отнёс его в ванную, помыл, завернул в полотенце и вернул в гостиную. Сам он вернулся в ванную, чтобы умыться, а когда вышел, Чжоу Цзыцянь уже встал из-за стола и сидел на диване с племянником, уставившись в телевизор. На самом деле, оба не понимали, что происходит на экране, каждый

был погружён в свои мысли.

Е Тао положил полотенце, убрал остатки еды со стола и пошёл мыть посуду. В это время в кухню зашёл Чжоу Цзыцянь. Е Тао посмотрел на него. Мужчина, выпивший большую часть бутылки вина, казалось, ещё не опьянел. Только скулы слегка покраснели, глаза были ясными, а шаг твёрдым.

— Позвать кого-нибудь за тобой или останешься здесь на ночь?

Е Тао спросил очень спокойно, как будто речь шла о простом решении, без скрытого смысла.

Чжоу Цзыцянь не ответил. Он обнял Е Тао сзади, прижавшись лицом к его шее. Он не был пьян, по крайней мере, пока ещё сохранял ясность ума, и хорошо помнил, зачем пришёл. Он три дня колебался, и эти три дня казались ему вечностью, потому что он не мог решиться. Сегодня он наконец принял решение: прийти и сказать Е Тао, что они больше не будут пробовать. Он хотел, чтобы, покинув семью Чжоу, Е Тао вспоминал о нём хоть что-то хорошее.

Изначально он действительно так планировал, и его настроение было плохим. Он даже разозлился на Баобао за мелкую провинность и выместил на нём своё раздражение. Затем он встретил Ли Минцзюэ и увидел, как Е Тао относится к своему бывшему с полным равнодушием и отвращением. Он должен был укрепиться в своём решении, но вместо этого передумал.

Что может изменить хорошее воспоминание? Ничего. Это всего лишь мимолётный образ, который нельзя увидеть или потрогать. Хорошее и плохое, связанное с Чжоу Цзыцянем, Е Тао всё равно оставит в прошлом. Он отдаст свои чувства другому человеку, и в его глазах больше не будет ни капли места для Чжоу Цзыцяня. В конце концов, он останется ни с чем, даже без того, что когда-то имел. Если отказ ничего не принесёт, кроме боли и неудовлетворённости, то зачем отказываться? Пусть он будет настоящим негодяем.

Е Тао, согнутый под весом высокого мужчины, едва мог выпрямить спину. Он уже хотел сказать что-то, чтобы прогнать его, но услышал, как тот вздохнул у него на ухе:

— Даже если ты ругаешь меня, мне нечего сказать.

Е Тао на мгновение замер, затем слегка улынулся. Слова Чжоу Цзыцяня не были такими уж смешными, но Е Тао расслабился. В отличие от того, как было раньше, когда он был полон опасений: боялся, что этот человек не отстанет, что сам поддастся его влиянию, что разговор будет неловким, а молчание будет воспринято как согласие. Тогда он изо всех сил пытался найти идеальное решение для этой сложной задачи, а теперь это казалось ему смешным. Он считал себя разумным, но в итоге оказался просто глупцом.

Какая же это сложная задача? Это его судьба и испытание. Другие живут и умирают один раз, а он умер и снова родился. Это его судьба. В прошлой жизни он встретил не того человека, ошибался, его обманывали и предавали. В этой жизни он должен был извлечь урок и никогда больше не повторять ошибок, но вместо этого встретил Чжоу Цзыцяня. Он знал, что тот не искренен и не добр, но всё равно влюбился. Он знал, что должен держаться подальше, но его затягивало всё глубже. Это его испытание.